

ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ

Поэзия : учебник / авт.-сост. Н.М. Азарова, С.Ю. Бочавер, К.М. Корчагин [и др.] ; под общ. ред. Н.М. Азаровой, К.М. Корчагина, Д.В. Кузьмина. М. : ОГИ, 2016. 886 с.

Рецензируемый учебник «Поэзия» посвящен решению двуединой задачи: с одной стороны, представить русскую поэзию на всем протяжении ее развития, а с другой — объяснить особенности поэтического языка и стихотворного текста. Впрочем, слово «учебник» стоит взять в кавычки: да, это учебник, но в новом понимании — его авторов и составителей.

Здесь вы не найдете ни того, что принято считать методическим аппаратом, ни текущих и контрольных вопросов об изложенном материале, ни тем для контрольной и самостоятельной работы, ни словаря используемых терминов; нет здесь и списка рекомендуемой литературы и библиографического списка. Более того, отсутствует и строгая последовательность в представлении материала, знание предыдущих разделов не обязательно для чтения последующих, можно пропускать некоторые разделы и читать учебник с любой страницы. Строго говоря, здесь нет и автора — есть авторский коллектив (Н.М. Азарова, С.Ю. Бочавер, К.М. Корчагин, Д.В. Кузьмин, Б.М. Орехов, В.А. Плунгян, Е.В. Суслова), костяк которого составляют не литературоведы, а лингвисты. Среди них ученые, хорошо известные как исследователи поэтического языка и зарекомендовавшие себя в первую очередь в теоретической лингвистике. Безусловно, здесь сказался опыт действующего в Институте языкознания РАН под кураторством Н.М. Азаровой семинара по поэтическим практикам, где теоретические изыскания репрезентируются как исследования конкретных образцов, принадлежащих к типологически различным языковым системам. Кстати, и печатается данное издание по решению Ученого совета этого института.

Тем не менее это учебник, именно благодаря тому, что он учит: и поэзии, и основам литературоведческого анализа, — а вместе с тем освещает достаточно сложные проблемы поэтики. Одновременно это и хрестоматия русской поэзии, причем открывающая не столь известную широкому кругу читателей современную поэзию.

В качестве книг-прецедентов, на которые опирались авторы, указываются работы М. Л. Гаспарова, В. Е. Холшевникова, Н. А. Богомолова, Н. Л. Лейдермана и М. Н. Липовецкого, К. М. Поливанова и Е. С. Абелюк. К этому списку следует добавить и книгу В. С. Баевского «История русской поэзии. 1730–1980», а если поискать, то можно найти немало и других источников, особенно если обратиться к опытам XVIII века. Но именно потому, что аналогий можно провести множество, но вот аналога найти (по крайней мере, автору рецензии) не удастся. Во многих отношениях учебник, вне всяких сомнений, является новаторским — и в данном случае это не расхожий эпитет — оценка качества, а характеристика открываемого им жанра. Здесь возникает интересное меж- или наджанровое сочетание того, что можно назвать классическим, с тем, что относят к современному (не хочется говорить «постмодернистскому»). С одной стороны, это идущие от аристотелевской «Поэтики» или, точнее, «Ars poetica» Горация описания поэтического искусства и мастерства, содержащие отсылки к тому, что можно назвать удачными и/или «прототипическими» практиками. С другой стороны, при достаточном (пусть и не строгом) академизме просматриваются аналогии с новейшими художественными принципами организации излагаемого — например, с эссеистикой в духе Борхеса и гипертекстом по Павичу. Уже предлагалось (М. Г. Павловец) назвать этот учебник компендиумом — поскольку это слово в современном контексте не имеет устоявшегося общепринятого значения, то, пожалуй, оно и будет наиболее подходящим в названии такого издания, а именно *современный компендиум*.

Авторы учебника ставят перед собой задачу как можно полнее описать многообразие форм существования поэзии и поэтических практик. Книга адресована не просто, как принято говорить, широкому кругу читателей, а широкому и разнообразному: это студенты-филологи и обучающиеся различным другим гуманитарным специальностям, ученики старших классов школы и др. Это также (могу судить по себе) и «остепененные» филологи. Более того: не дискриминируя другие категории читателей, позволю себе заметить, что именно для специалистов по поэтике учебник наиболее интересен — он демонстрирует, как можно просто и вместе с тем нетривиально представить проблемы, которые были и еще станут темами докторских диссертаций и монографий.

В качестве примера того, что в учебнике нашли место и, главное, получили понятное решение (степень его адекватности еще подлежит уточнению) достаточно сложные и запутанные вопросы, приведем

следующее. Так, обращение к современному материалу позволяет авторам убедительно показать необходимость обновления терминологического аппарата и внедрения новых понятий и методов анализа. Они вводят термин «субъект» вместо традиционного «лирический герой», что дает возможность провести более точный анализ таких феноменов, как множественный субъект, и разграничить субъекта, образ которого конструируется в тексте, и идентичность (социальную, возрастную, профессиональную и т.п.). Заслуга авторов заключается в том, что даже самые сложные теоретические проблемы изложены в учебнике простым и легким для понимания языком. Текст не перегружен терминами, вся использованная терминология ясна и способствует адекватной категоризации языкового материала.

Упомянутый аспект, связанный с обращением к современной поэзии, необходимо отметить особо. Впервые при анализе поэтической речи использован столь широкий и разнообразный материал: в учебнике представлено более 300 поэтов, а хронологические рамки охватывают развитие русской поэзии с XVII века до настоящего времени. Безусловно, обращает на себя внимание столь последовательная работа с современным материалом. В книге содержится ряд текстов, написанных уже в XXI веке. В число поэтов входят не только уже снискавшие известность среди читателей, но и совсем молодые авторы. При этом тексты не только цитируются, многие из них приводятся целиком. Таким образом, учебник дает читателю прекрасную возможность ознакомиться как с классическими образцами русской поэзии, так и с малоизвестными произведениями. Благодаря этой особенности издание может быть использовано в том числе как своего рода хрестоматия, организованная в соответствии с проблемным принципом.

Проблемный принцип организации книги является одной из главных ее методологических новаций. Авторы отказываются от господствующего в изучении поэзии и литературы хронологического изложения, что сближает учебник с работами по теории языка и теории литературы. Авторы формулируют свое понимание этого принципа следующим образом:

Вместо более привычного хронологического принципа организации материала мы предлагаем *проблемный* принцип, позволяющий последовательно обращаться к различным элементам устройства поэтического текста и показывать, как именно они могут воплощаться в творчестве разных поэтов. Благодаря этому появляется возможность рассматривать русскую поэзию как единый процесс, который обладает особой динамикой и протекает по особым законам. Поэзия обладает повышенной чувствительностью к изменениям, происходящим в обществе и культуре, и поэтому

важно не только проследить, как различные поэтические школы и направления сменяли друг друга, но и как язык поэзии менялся вместе с языком культуры и что сделало такие изменения возможными [4, с. 10].

В учебнике 25 разделов, каждый из которых посвящен определенному аспекту поэтического текста как такового и особенностям его бытования в культуре. Из одних разделов читатель узнает о характерных признаках поэтического текста (метр, ритм, рифма), из других — как устроена поэтическая коммуникация и кто в ней участвует (субъект, адресат, идентичность), как соотносится поэзия с другими семиотическими системами (поэзия и живопись, поэзия и кино и др.) и сферами жизни (поэзия и политика, поэзия и философия).

Отдельного упоминания заслуживает раздел, посвященный жанрам и форматам поэтического текста. Авторам удалось в едином ключе, исходя из современных методологических позиций описать такие столь разные явления, как ода и комбинаторная поэзия, благодаря чему на страницах учебника развитие поэтических форм предстает как целостный процесс.

Безусловно, не все из изложенного в книге представляется бесспорным. Не вдаваясь в отдельные статьи, хочу сделать предметом особой дискуссии следующий тезис:

В центре внимания авторов учебника то, что специфично именно для стихотворной речи и при этом может быть использовано для анализа современных поэтических текстов. Именно поэтому в учебнике не рассматривается проблема *тропов* (прежде всего, метафоры и метонимии), которые, конечно, имеют самое широкое распространение в поэзии, но при этом могут встречаться и в любых других типах речи и должны быть предметом изучения риторики или логического анализа языка. Тем более что анализ метафор и метонимий зачастую ведет не к лучшему пониманию поэтического текста, а к его обеднению и упрощению [4, с.11].

Относительно последнего предложения позволю себе заметить, что вопрос не в метафорах и метонимиях, а в адекватности анализа. В самом деле, попытки навязать тропу фиксированную и «правильную» интерпретацию могут «убить» и сам троп — отсюда и точная характеристика допускающих подобную интерпретацию метафор как мертвых. И напротив, анализ глубинной семантики стихотворений О. Мандельштама привел нас («мы» в данном случае — Сурен Золян и Михаил Лотман) к следующему выводу:

Образы, которые при поверхностном чтении казались изоциренными метафорами, предстали точными формулировками, требующими бук-

вального понимания. Более того, само понятие метафоричности по отношению к поэзии зрелого Мандельштама представляется по меньшей мере проблематичным: то, что первоначально казалось смелым тропом, оборачивается (авто)метаязыковой порождающей конструкцией. Сам поэт назвал это принципом обратимости поэтической материи [1, с. 14].

Понятие «обратимости» видится нам ключевым при рассмотрении соотношения между языком и поэзией. Поэтому крайне спорным представляется и сам тезис о том, что в поэтической речи можно найти нечто, что не встречается в «других типах речи», — рецензент пытается обосновать иную точку зрения, согласно которой традиционное противопоставление поэтического употребления языка — как якобы единственной творческой сферы языковой деятельности — всем остальным «рутинным и стандартным» операциям устарело. Самое «обыденное» употребление языка требует как «языкотворчества», так и «мифотворчества» и «миротворчества» в смысле семантики возможных миров (подробнее об этом в [2]).

Некоторые положения предполагают непривычную для учебников полемику. Даже убранный в «подтекст», она тем не менее — необходимый компонент авторской концепции, тесно связанный с той особенностью, которую авторы назвали «проблемностью». Это, безусловно, куда интереснее, чем в очередной раз читать устоявшиеся мнения. Но полемичность не всегда удачна: оригинальность точки зрения может перерасти в эпатаж. Так, не представляется удачным и справедливым следующее замечание авторов:

Выявляя и расширяя возможности языка, развивая и усложняя наши способности выражать и воспринимать, стихи в то же время обращаются к нашим эмоциям: они могут удивить и утешить, развеселить или вызвать сочувствие. Сами поэты нередко говорят о своих задачах именно с этой стороны — эмоциональной, межличностной. В том числе и в стихах:

...в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал

— вот что Пушкин называет своей главной заслугой. Славить свободу и призывать к милосердию — прекрасное и очень важное занятие, но зачем это делать непременно в стихах? Значит, у поэта за душой есть что-то еще, о чем он умалчивает (или чего он не осознает), — но именно это делает его поэтом, а призывы к милосердию и свободе пропадают в поэзии впустую, если они художественно неинтересны [4, с. 19].

Непонятно, что имели в виду авторы, говоря о том, что поэт «*о чем-то умалчивает*». А утверждение, что он, если речь идет о Пушкине, чего-то «*не осознает*», считаем просто неверным. Пушкин прекрасно осознавал «автономность» поэзии (вспомним «Не для житейского волнения...»), поэтому стоит задуматься, почему именно это:

...в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал

— он счел своей главной заслугой. Наверно, стоит вспомнить, что в куда более жестокий век великий мастер поэтического слова Осип Мандельштам назвал «поэтическим каноном» строки Есенина о не-участии в казнях:

Есть прекрасный русский стих, который я не устану твердить в московские псиные ночи, от которого как наваждение рассыпается рогатая нечисть. Угадайте, друзья, этот стих: он полозьями пишет по снегу, он ключом верещит в замке, он морозом стреляет в комнату:

...Не расстреливал несчастных по темницам.

Вот символ веры, вот поэтический канон настоящего писателя — смертельного врага литературы [3, с. 93–94].

И другой пример: Маяковский, «ассенизатор и водовоз, революцией мобилизованный и призванный», совершенно в духе приведенной цитаты из «Поэзии», пишет: «Я — поэт. Этим и интересен. Об этом и пишу. Об остальном — только если это отстоялось словом» (Я сам. 1922). Так что «ассенизаторство» Маяковского ему самому было интересно, только если «отстоялось словом».

Как и в Античности (о чем говорили собеседники еще на «Пире» Платона), в понятии прекрасного добро, польза и красота, этическое, эстетическое и практическое, совмещены, хотя и не заменяют друг друга. Лингвопоэтическое (расширение возможностей языка) и этическое («милость к падшим») не тождественны, и именно поэтому одно может усилить другое. Возникает феномен, который можно назвать *законом обратимости этики и поэтики*. Поскольку рецензируемое издание — это при всех оговорках еще и учебник, то можно было бы проявить более сбалансированный подход, особенно когда, как в данном случае, разговор идет о фундаментальных проблемах.

Безусловно, следует понимать и то, что при новаторском подходе к хорошо известным и давно описанным явлениям постоянная скрытая

полемика неизбежна, тем более что полемична уже сама концепция учебника. Поэтому количество утверждений, которые могут показаться спорными, можно без труда множить, но — к чести составителей и авторов учебника — все они, как пишут в отзывах на диссертацию, укладываются в рамки научной дискуссии.

Главное — учебник интересен и потому оправдывает свое предназначение: учить. Во многих отношениях «Поэзия» является учебным изданием нового поколения, внедрение которого в образовательный процесс представляется нам актуальным и своевременным. Это современное инновационное учебное, а точнее обучающее, пособие, не имеющее аналогов в отечественной педагогической практике. Перспективы применения учебника разнообразны: школы с углубленным изучением литературы и университеты могут использовать его в преподавании специального курса «Поэзия», а также теории и истории литературы, теории языка, лингвистической поэтики; фрагменты учебника можно задействовать в курсах русского языка и культурологии.

Помимо отечественного читателя, о котором в предисловии говорят и авторы издания, хотелось бы отметить еще одного потенциального адресата — зарубежных специалистов и носителей русского языка как неродного или иностранного. Учебник нацелен на читателя, с одной стороны, вдумчивого и размышляющего, с другой — понимающего и ощущающего тонкости языка. Поэтому наряду с безусловно необходимыми рутинными пособиями, требующими, например, запомнить, в каких конструкциях употребляется предлог «в», а в каких «на» (и какие драматические политические последствия возникают из-за их смешения — свидетельством тому стали события на/в Украине), крайне важно иметь и учебники подобного рода — позволяющие проникнуть в неисчерпаемые кладези языкотворчества и языковедения.

С. Т. Золян

Список литературы

1. Золян С., Лотман М. Исследования в области семантической поэтики акмеизма. Таллин, 2012.
2. Золян С. Т. Лингвистическая поэтика и общая теория языка (о контекстно-зависимой семантике и текстоцентричной лингвистике) // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова : материалы международной научной конференции «Первые Григорьевские чтения. Языковое творчество vs. креативность: эстетический, эвристический и прагматический аспекты». 2016. Т. 7, №7. С. 69–85.

3. *Мандельштам О. Э.* Соч. : в 2 т. М., 1990. Т. 2.
4. *Поэзия : учебник / авт.-сост. Н. М. Азарова, С. Ю. Бочавер, К. М. Корчагин [и др.] ; под общ. ред. Н. М. Азаровой, К. М. Корчагина, Д. В. Кузьмина.* М., 2016.

Об авторе

Золян Сурен Тигранович, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт философии, социологии и права, Национальная академия наук Республики Армения, Армения; профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: SZolyan@kantiana.ru

References

1. Zolyan, S. and Lotman, M., 2012. *Issledovaniya v oblasti semanticheskoi poetiki akmeizma* [Studies in the field of the semantic poetics of acmeism]. Tallinn.
2. Zolyan, S. T., 2016. Linguistic poetics and the general theory of language (on context-dependent semantics and text-centric linguistics). In: A. M. Moldovan, ed. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. VII. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Pervye Grigor'evskie chteniya: Yazykovoe tvorchestvo vs. kreativnost': esteticheskii, evristicheskii i pragmaticheskii aspekty" (12 – 14 marta 2015)* [Proceedings of the Institute of Russian language. V. V. Vinogradova. VII. Materials of the international scientific conference "The first Grigoriev readings: language creativity vs. creativity: aesthetic, heuristic and pragmatic aspects" (March 12 – 14, 2015)]. Moscow. pp. 69 – 85.
3. Mandel'shtam, O. E., 1990. *Sochineniya* [Compositions]. Moscow. Vol. 2.
4. Azarova, N. M., Korchagin, K. M. and Kuz'mina, D. V., eds., 2016. *Poeziya*. [Poetry]. Moscow.

About the author

Prof. Suren T. Zolyan, Leading Research Fellow, Institute of Philosophy, Armenian National Academy of Sciences, Armenia; Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: SZolyan@kantiana.ru